

Кем же на самом деле был этот Рябой Ху? Все просто: он был самым настоящим разбойником с большой дороги. Притом одиночкой. В первый же раз решившись на убийство, он вырезал под корень почтенное семейство. А началось все с того, что местный молодой барин, проезжая мимо на лошади, счел его рожу пренеприятной, пнул мимоходом и велел слугам отобрать добычу. Рябой Ху с детства обладал недюжинной силой, да и вырос в лесу — с двенадцати лет охотился вместе с наставником, помогая тому свежевать дичь. Учитель его, судя по всему, тоже был тем еще прохвостом. В четырнадцать лет парень отправился в управу продавать шкуры, да там и натолкнулся на неприятности. А всего-то и сделал, что громко зазывал покупателей, когда мимо ехал тот самый барчук. Крик напугал холеную лошадь, и заносчивый господин решил проучить оборванца.

Отомстил Ху жестоко: вырезал всю семью до последнего человека. Вскоре после этого скончался и его наставник — бог весть от чего. Похоронив старика, парень прихватил все серебро из разграбленного им богатого дома и навсегда покинул родные края. Из Гуаньчжуна он подался на Северо-Восток. Когда легкие деньги закончились, Ху поначалу вернулся к охоте, но быстро понял, что честным трудом много не скопишь. А тут как раз подвернулся случай подработать наемным убийством... Так он и ступил на скользкую дорожку.

За те двенадцать лет, что он провел на Северо-Востоке, Рябой Ху пролил немало крови, промышляя грабежом и не гнушаясь никакими злодеяниями.

Дурная слава шла впереди него. Больше всего на свете он любил изводить людские гнезда под корень, за что в криминальном мире его прозвали Мясником-Истребителем. Свирепый облик, беспощадный нрав — на трактах Северо-Востока его имя произносили с содроганием.

В этот раз заказчик пообещал целых пятьсот лянов серебра за головы двоих: императорского посланника Ван Цзо и его ключевого свидетеля — бывшего счетовода Ван Юдэ.

Авансом выдали сто лянов — десять увесистых серебряных слитков-ямок. Чистое, звонкое серебро, никакой бумажной чепухи. Рябому Ху и раньше доводилось убирать людей по заказу, а уж перед блеском благородного металла он и вовсе устоять не мог. Пятьсот лянов — деньги, может, и не великие для столицы, но здесь, на окраине империи, на них можно было безбедно жить не один год.

К тому же делов-то — прирезать двух арестантов. Заказчик наплел ему, будто эти двое — купец со своим приказчиком — втихую прибрали к рукам общее дело и нарушили уговор. Мол, смерть этих прохвостов поможет вернуть прибыльное дельце, и тогда он станет полноправным хозяином всего дела.

— Впрочем, подобные сказки только дураков тешить, — делился новостями Линь Ци, и в глазах его поблескивал суеверный страх.

Простой парень из народа, он всегда считал, что кровавые разборки вельмож происходят где-то в заоблачной вышине, а теперь эта бездна разверзлась прямо у него под ногами.

— Сам Рябой Ху признался, что плевать ему на эти байки. Правда, ложь — какая разница? Заказ есть заказ. Главное — знать, кому выпустить кишки.

— Но ведь это сам императорский посланник! — покачал головой Дин Тянь, поражаясь безумию продажных чинуш. — Неужели жажда наживы настолько затмила им разум, что они готовы подставить под топор палача весь свой род до девятого колена?

В его прежнем, современном мире кара за преступление ложилась только на самого виновника, ну, в крайнем случае конфисковывали личное имущество. Здесь же, в суровые времена великой Династии Цин, закон не знал пощады: за измену карали поголовно всех родственников. Истребление рода означало, что безумие одного человека утягивало в могилу сотни безвинных душ — от дряхлых стариков до младенцев в колыбели.

Неужели этим заговорщикам жизнь не мила, раз они решили развязать бойню такого масштаба?

Убить императорского посланника!

Ведь это не просто чиновник, это живое воплощение священной воли Сына Неба, грозный вестник престола. Покуситься на него — все равно что поднять руку на самого государя.

Посланник нес в себе частицу императорского величия, и власть его в провинции была безграничной. Смерть такого вельможи наделала бы шуму на всю Поднебесную. Именно поэтому заговорщики решили провернуть все чужими руками — подставить глупого уездного судью Ма Чуна. Случись что, карающая длань закона обрушилась бы на голову несчастного чиновника, вырезав его род до последнего человека, а истинные кукловоды остались бы в тени.

— Ну и дела... — пробормотал Дин Тянь, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — С ума сойти, на что замахнулись.

— Вот именно! Потому-то господин префект и велел передать тебе особую благодарность, — кивнул Линь Ци. — Будь на твоём месте прежние служаки Ма Чуна, они бы без лишних раздумий заперли всех троих в одной камере. И Рябой Ху без шума прикончил бы Ван Цзо и его счетовода. А потом что? Дело-то стряслось на земле уезда Бычьего Рога! Разбойника заковали бы в кандалы и отправили под конвоем в управу, а по дороге на конвой бы напали сообщники и отбили арестанта. Ищи ветра в поле! Концы в воду, ищи свищи виноватых. Спасло нас только то, что наш молодой главный тюремщик заставил всех вымыться, обыскал до нитки и расселил по одиночным камерам. Иначе...

У Дин Тяня затылок взмок от холодного пота.

А ведь он просто-напросто не выносил грязи! Его изнеженная натура из современного мира физически не могла мириться с убожеством и смрадом средневекового узилища. Ладно еще южане, но здешние северяне зимой принципиально не мылись — больно уж это было хлопотно.

Сам Дин Тянь без бани хотя бы раз в неделю чах, да и смотреть на заросших жирной грязью, вонючих арестантов не имел никаких сил. К тому же он прекрасно помнил правила из своей прошлой жизни: в любой нормальной тюрьме вновь прибывших досматривают с особой тщательностью, вплоть до обыска. Рентгеновского аппарата в уезде Бычьего Рога, конечно, не водилось, так что пришлось уповать на старый добрый ручной досмотр.

Да и как вообще сажать за решетку человека без досмотра и смены платья? С ума сойти можно!

Вон сколько опасной дряни они вытащили из потайных швов Рябого Ху.

Линь Ци между тем продолжал вываливать на приятеля ворох накопившихся слухов. В управе ему приходилось держать язык за зубами, но здесь, наедине с Дин Тянем, он трещал без умолку, болтая даже о том, о чем следовало бы молчать под страхом смерти.

Впрочем, именно такие простые служители всегда знали больше всех. Чэн Да и Лю Сэнь умели вовремя закрыть глаза и уши, а Жэнь Цин со своими ребятами вовсю наслаждался заведенным Дин Тянем полувоенным порядком. По крайней мере, теперь из покоев уездного судьи больше не доносилось визгов его вздорных наложниц.

Линь Ци понимал, что задерживаться ему не стоит. Напоследок осушив пиалу с водой, он торопливо распрощался и шмыгнул за дверь. А уже вечером к Дин Тяню пожаловал посыльный от префекта Ду с щедрым угощением.

На подносе дымились румяные жареные мясные шарики и наваристая свинина, тушенная с нежным соевым творогом тофу. К двум сытным мясным блюдам прилагались две огромные пиалы отборного белого риса.

Дин Тянь принял поднос, растерянно моргая:

— Это мне?

— Вам, господин главный тюремщик, — с нескрываемой завистью подтвердил слуга. — Наш префект просил передать, чтобы вы хорошенько присмотрели за важными узниками, а любые бытовые заботы мы возьмем на себя. Ох и повезло же вам! Никогда не видел, чтобы к простому тюремщику так относились благородные господа.

Дин Тянь лишь молча покачал головой.

Ни слова не говоря, он унес поднос в свою каморку. Пока остальные тюремщики хлебали пресную похлебку из общего котла, он уплетал сочное мясо.

На следующее утро завтрак у Дин Тяня был самым обычным, наравне со всеми, однако ближе к

полудню на пороге тюрьмы показался личный советник префекта — господин Ду Кан.

Поскольку они давно сработались, долгих церемоний разводить не стали. Советник сразу перешел к делу:

— Дин Тянь, выручай. Его превосходительство императорский посланник последние дни совсем извелся, крошки в рот не берет. Повара из кожи вон лезут: подают и обед из двух перемен, и сладости трижды в день носят — все без толку! Не ест ничего, и все тут. Расскажи-ка, чем ты его кормил, пока он у тебя под замком сидел?

Слуги шепнули, что его превосходительство уже не раз со вздохом вспоминал «тюремную стряпню». Но как прикажешь поступить? Не подавать же столь важному сановнику баланду на казенной посуде! Это не просто дурная примета, за такое неуважение к монаршему посланнику можно и головы лишиться!

— Да ладно? — опешил Дин Тянь. — Я ведь давал ему то же, что и сам ем... Да и то попроще, без изысков.

В конце концов, Ван Цзо сидел у него как арестант, пусть и благородный. Не забивать же для него поросят каждый день! Сам Дин Тянь разносолами не баловался, откуда взяться ресторанным блюдам?

— Вот я и подумал: может, ты сам для него что-нибудь сообразишь? — взмолился Ду Кан. — Если посланник уморит себя голодом, нам всем не поздоровится!

Подчиненные префекта и впрямь дрожали как осиновые листья перед грозным гостем. Ван Цзо обладал колоссальным влиянием при дворе и сам по себе происходил из древнего знатного рода. На далеком, заснеженном Севере зимой и так шаром покати, откуда взять разносолы? За последние пару дней повара в управе едва не поседели от страха. Наваристые жирные бульоны да запеченные туши, которые местным казались верхом роскоши, столичный вельможа брезгливо обходил стороной, считая пищей для простолюдинов.

— Да из меня кулинар как из ведра решето! Любой помощник повара на кухне меня за пояс заткнет, — вздохнул Дин Тянь. — Я ведь только простую домашнюю еду готовить умею.

В этой глухомани зимой приличных продуктов днем с огнем не сыщешь. Из чего готовить-то?

Размышляя, он рассеянно скользнул взглядом по подоконнику своей каморки. Там, в длинном глиняном ящике, зеленело его маленькое сокровище.

Пока они ломали голову над меню для капризного вельможи, сам Ван Цзо времени зря не терял. Окруженный вооруженной охраной, он торжественно направился к казенным складам уезда.

Управа Бычьего Рога была выстроена по всем канонам империи: за величественными воротами тянулась анфилада присутственных мест, включавшая судебный зал, покои чиновников, заброшенную уездную школу, подворье для приезжих гостей, почтовую станцию, обширные амбары и, разумеется, саму тюрьму.

Вся эта огромная территория теперь находилась на осадном положении. Солдаты генерала Гао перекрыли выходы, бдительно следя, чтобы никто не покинул управу без личного приказа. Под особый караул взяли два самых уязвимых места — тюрьму и казенные склады.

За тот год, что уездом заправлял алчный Ма Чун, все казенные учреждения пришли в полный упадок. В местной школе гулял ветер — ни учителей, ни учеников; гостевое подворье стояло заколоченным, превратившись в пустую коробку. Действовала разве что почтовая станция, да и то лишь потому, что без связи с губернией было не обойтись. А с тюрьмой и вовсе вышел позор: на всю службу остался один-единственный преданный делу главный тюремщик, в то время как остальные тюремные стражники числились лишь на бумаге, позволяя уездному судье прикараманивать их жалованье. Дин Тяню даже приходилось кормить арестантов на личные сбережения!

И какая ирония судьбы: теперь в этих полупустых казематах томилось все семейство самого Ма Чуна!

Теперь Ван Цзо намеревался вскрыть главное гнездо порока — казенные амбары, где хранились собранные налоги и резервный зерновой фонд.

Если в остальных присутственных местах Ма Чун еще пытался навести видимость порядка, то перед воротами хранилищ его ложь рассыпалась в прах. Масштаб хищений бросался в глаза с первого взгляда. У входа комиссию уже поджидал регистратор Сюй. Прижимая к груди пухлыеgrossбухи, он с поклоном приветствовал высокое начальство.

— Ну, господин Сюй, — довольно усмехнулся префект Ду, оценив подготовку подчиненного, — я всегда знал, что на вашу преданность делу можно положиться. Ваша дотошность сэкономит нам немало времени.

— Почтительно благодарю за добрые слова, господин префект. Ваш покорный слуга лишь исполняет свой долг пред законом и престолом, — с достоинством ответил Сюй.

Сейчас он держался на удивление чинно и благородно, растеряв всю ту суетливую трусость, с которой когда-то шептался по углам с Дин Тянем. Он сделал широкий приглашающий жест:

— Прошу вас, господа!

Прежнюю стражу амбаров давно разоружили и бросили под замок. Их место заняли суровые гвардейцы, прибывшие вместе с генералом Гао. Эти закаленные бойцы подчинялись исключительно своему военачальнику, а сам генерал беспрекословно выполнял волю Ван Цзо.

Свита императорского посланника наводила ужас на местную челядь одним своим видом. Двое столичных писцов в строгих шелковых халатах без лишних разговоров опечатали всю канцелярию уезда. Личный советник Цянь и личный советник Син даже пикнуть не успели, как оказались под стражей, лишившись доступа к бумагам.

— Начните с казны, затем переходите к зерновым закромам, — сухо распорядился Ван Цзо.

Он вальяжно опустился в искусно вырезанное кресло, которое слуги предусмотрительно вынесли во двор. Тотчас перед ним вырос изящный столик: зашумел дорожный самовар, слуги захлопотали над заваркой редкого чая, расставили на яшмовых тарелках сушеное мясо, вяленую свинину и тончайшие столичные сладости. В одно мгновение пыльный тюремный двор превратился в изысканный приемный покой.

— Слушаемся! — разом выдохнули проверяющие и разошлись по складам.

Каждый из них точно знал свое дело, так что проверка продвигалась на удивление быстро и слаженно.

Ван Цзо лишь медленно прихлебывал чай, даже не глядя в сторону угощения. Наблюдавший за ним префект Ду сокрушенно вздохнул:

— Ваше превосходительство, за утренней трапезой вы изволили откусать лишь пиалу жидкой каши да пару паровых пампушек. Этого же ничтожно мало для ваших сил!

Сердце префекта обливалось кровью от беспокойства. Столичный гость угасал на глазах, отказываясь от изысканной еды. Оставалось лишь уповать на то, что отправленный к маленькому тюремщику Дину советник сможет придумать какое-нибудь чудодейственное решение.

— Не идет, — лаконично бросил Ван Цзо, делая очередной неторопливый глоток.

В его чаше дышала драгоценная «Серебряная игла с гор Цзюньшань» — редчайший сорт чая, доставляемый пряником из южных провинций к императорскому двору. Всего двадцать цзиней этого отборного листа собирали ежегодно для нужд дворца, и государь Юнцин лично повелел отдавать половину этого объема Ван Цзо.

Подобная милость монарха была неслыханной.

Впрочем, сам Ван Цзо ценил в этом напитке лишь прозрачность и легкую терпкость, без труда обходясь и без придворной роскоши.

Север славился своей суровостью и отсутствием утонченных увлечений, поэтому челядь вельможи везла из столицы все, вплоть до постельного белья. Но сам господин тосковал по тем

немногим дням, что провел за решеткой. Как ни странно, в холодных стенах узилища он обрел покой, о котором в столице не смел и мечтать. Не нужно было плести интриги, разгадывать чужие козни, выслушивать льстивые речи. Простая сытная еда, чистая постель, мягкое тепло от печи... Та спокойная, размеренная жизнь показалась ему самым удивительным приключением.

Ван Цзо ловил себя на мысли, что искренне тоскует по тем дням.

И по тому забавному молодому главному тюремщику... Дин Тянь стал первым человеком в империи, который при первой же встрече велел раздеть его догола и засунуть в бочку с горячей водой. Дерзость немыслимая, но какая искренняя!

Пока высокий гость предавался воспоминаниям, Дин Тянь в своей камерке разворачивал бурную деятельность. Выслушав его задумку, личный советник Ду Кан округлил глаза от изумления:

— Ты серьезно? И это сработает?

— Ну, мне это блюдо очень даже по вкусу, — пожал плечами Дин Тянь, не слишком уверенный в успехе. — Значит, и его превосходительству должно понравиться. В конце концов, простая домашняя еда всегда душу греет.

<http://bllate.org/book/19387/1997491>